

БЕЗОПАСНОСТЬ И ИНТЕГРАЦИЯ В СТРАНАХ АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

SECURITY AND INTEGRATION IN ASIAN REGION

УДК 316.347

СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ УСТАНОВОК МОЛОДЕЖИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ¹

**Р.Б. Шайхисламов¹, С.Г. Максимова²,
О.В. Суртаева², Д.А. Омельченко²**

*¹Башкирский государственный университет, Уфа, Россия,
²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
e-mail: rafaelbadretdinovich@mail.ru, svet-maximova@yandex.ru,
bubuka_s@mail.ru, daria.omelchenko@mail.ru*

DOI: 10.14258/ssi(2020)4-01

Поскольку величина социальной дистанции взаимосвязана с межэтническими установками, существует потребность в социологическом анализе этих феноменов, особенно их проявлений в молодежной среде. В 2020 г. в Алтайском крае было проведено социологическое исследование методом анкетного опроса (n=507), в качестве респондентов выступали молодые люди в возрасте от 14 до 35 лет. В статье приведены результаты исследования, освещающие взаимосвязь межэтнических установок молодежи Алтайского края и размер социальной дистанции с разными этническими группами. Выявлено, что большая социальная дистанция формирует позитивный контекст межэтнических отношений, однако может приводить к размыванию и спутанности этнической идентичности у молодежи. Полученные результаты могут быть

---

¹ Публикация подготовлена по проекту «Молодежь в межэтнических коммуникациях: интолерантность, толерантность, диалог» (научный руководитель Р.Б. Шайхисламов, д-р соц. наук, проф.) в рамках программы фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности», 2020–2022 гг.

использованы как основа для разработки стратегий формирования позитивной этнической идентичности у молодежи, а также обоснования реализации мер молодежной политики Российской Федерации.

Ключевые слова: межэтнические отношения, межэтнические установки, социальная дистанция, этническая толерантность, социальная толерантность, тип этнической идентичности, этнонигилизм, этническая индифферентность, этноэгоизм, этноизоляция, этнофанатизм, позитивная этническая идентичность

SOCIAL DISTANCE AS A FACTOR OF INTER-ETHNIC ATTITUDES FORMATION AMONG THE YOUTH FROM THE ALTAI REGION

R.B. Schaihislamov¹, S.G. Maximova²,
O.V. Surtaeva², D.A. Omelchenko²

1Bashkir State University, Ufa, Russia,

2Altai State University, Barnaul, Russia,

e-mail: rafaelbadretdinovich@mail.ru, svet-maximova@yandex.ru,

bubuka_s@mail.ru, daria.omelchenko@mail.ru

Social distance is closely interlinked with inter-ethnic attitudes, and there is a need in a sociological analysis of these phenomena, especially among young people, more vulnerable to the risks of ethnic intolerance and xenophobia. In 2020 in the Altai region a sociological survey was conducted among the young people from 14 to 35 years old (n=507). The article presents its results, revealing the interrelation between inter-ethnic attitudes and social distance with different ethnic groups. It was found that a little distance forms positive context of inter-ethnic relations but can lead to erosion and confusion of ethnic identity among youth. The results obtained can be used as a basis for elaboration of strategies guiding positive ethnic identity formation and grounds for measures of youth policy in the Russian Federation.

Keywords: *inter-ethnic relations, inter-ethnic attitudes, social distance, ethnic tolerance, social tolerance, type of ethnic identity, ethno-nihilism, ethnic indifference, ethnic egoism, ethnic isolationism, ethnic fanaticism, positive ethnic identity*

Введение

Исследовательский интерес к изучению межэтнических отношений не иссякает в течение многих десятилетий, эта тема актуальна и в настоящее время (Горбунова, Максимова и Попова, 2018; Омельченко и др., 2017; Черепанова и др., 2018; Шахова, 2019; Шахова и Максимова, 2019). Много внимания уделяют исследователи и изучению межэтнических отношений в молодежной среде, особенно молодежи национальных республик (Паштова и Древа, 2020; Воронцов, 2020; Маздогова,

2019; Монгуш и Сарыглар, 2019). Следует отметить парадоксальность состояния современных межэтнических отношений: с одной стороны, активно развиваются процессы глобализации и интеграции всего мира, однако, с другой стороны, этнические и национальные группы по-прежнему стараются сохранить свои этнокультурные особенности и передать их следующим поколениям. Такие разнонаправленные тенденции могут сопровождаться ростом межэтнической напряженности.

Кратко охарактеризуем понятия основных феноменов, исследуемых в нашей статье. Под социальной дистанцией мы, вслед за Э. Богардусом (1967), будем понимать размещение социальных групп и отдельных людей в общественном пространстве, характеризующееся степенью их отчужденности или близости между собой. Следует отметить, что в представленной работе мы рассматриваем только социальную дистанцию между представителями разных этнических групп, не касаясь других типов социальных общностей.

Под категорией «толерантность», прежде всего в социологическом контексте, мы будем иметь в виду ценности и установки, направленные на кооперацию и позитивную интеракцию с другими культурными формами. При этом как отдельные подкатегории толерантности мы, вслед за Г.У. Солдатовой с соавторами (2018), будем выделять этническую толерантность, социальную толерантность и толерантность как черту личности, что позволит более дифференцированно оценить взаимосвязь кооперационных установок молодежи и степень ее социальной отчужденности или близости.

Этническая идентичность будет пониматься нами как континуум, на котором располагаются разные типы этнической идентичности. На одном из полюсов континуума находятся варианты гипoidентичности (этнонигилизм и этническая индифферентность), когда можно наблюдать негативизм в отношении собственной этнической группы. В центре располагается нормальная этническая идентичность (ее еще называют позитивной), формирование которой наиболее предпочтительно в современном полиэтничном социуме. Другой полюс континуума представлен разными вариантами гиперидентичности (этноэгоизм, этноизоляция и этнофанатизм), когда можно наблюдать негативизм в отношении этнических групп, к которым сам индивид не принадлежит (Солдатова и др., 2018).

В рамках нашего исследования мы рассматриваем величину социальной дистанции как значимый предиктор формирования разных типов этнической идентичности, степени развития уровня толерантности и восприятия межнациональных отношений в регионе.

Методы исследования

Целью настоящей статьи выступает анализ взаимосвязи межэтнических установок молодежи Алтайского края и устанавливаемым молодежью размером социальной дистанции с разными этническими группами. Эмпирической базой статьи служат данные социологического исследования состояния межэтнических отношений в молодежной среде, проведенного в 2020 г. в Алтайском крае. Основной метод сбора первичной социологической информации — анкетный опрос в форме стандартизованного интервью по месту жительства респондентов.

В качестве респондентов выступали молодые люди в возрасте от 14 до 35 лет, проживающие на территории Алтайского края в городских (70%) и сельских (30%) поселениях. Общий объем выборки составил 507 человек. В исследовании использовалась многоступенчатая выборка с использованием квотного отбора, котируемые признаки — пол, возраст, тип населенного пункта. Соотношение квот определялось с учетом актуальных данных Федеральной службы государственной статистики о численности населения в возрасте 15–75 лет в российских регионах, а также данных о соотношении городского и сельского населения.

Типология респондентов по степени выраженности социальной дистанции в отношении разных этнических групп была построена на основе оценок молодежью по модифицированной методике «Шкала социальной дистанции» Э. Богардуса (Bogardus, 1925; 1967) представителей 13 этнических групп: белорусов, казахов, русских, татар, украинцев, узбеков, народов Северного Кавказа в РФ, китайцев, таджиков, народов Закавказья, немцев, алтайцев и армян. В рамках этой методики респонденту предлагалось оценить степень возможности и желательности принятия представителя каждой из указанных выше этнических групп в качестве близкого родственника (1 балл), друга (2 балла), соседа (3 балла), коллеги по работе или учебе (4 балла), жителя своего села, города (5 баллов), жителя своего региона (6 баллов), гражданина России (7 баллов). Если респондент не хотел бы общаться, видеть в своей стране представителя оцениваемого этноса, ему присваивалось 8 баллов. Таким образом, чем выше показатель по представленной шкале, тем большая социальная дистанция фиксируется между респондентом и оцениваемым им представителем того или иного этноса.

Для выявления типа этнической идентичности была использована методика Г.У. Солдатовой «Типы этнической идентичности» (Солдатова, 1998), позволяющая провести экспресс-диагностику выраженности этнического самосознания у респондентов. Методика включает в себя шесть шкал, соответствующих следующим типам этнической идентичности: этнофанатизм, этноизоляционизм, этноэгоизм, норма, этническая индифферентность и этнонигилизм. В результате применения методики респондент получает определенное количество баллов в диапазоне от 0 до 20 по всем указанным выше шкалам, при этом можно судить о выраженности каждого типа этнической идентичности у респондента и, сравнивая результаты по всем шкалам, определить доминирующий тип этнической идентичности у респондента. По словам Г.У. Солдатовой, этнофанатизм, этноизоляционизм и этноэгоизм — это варианты гиперболизированной этнической идентичности, которая в межэтническом взаимодействии может проявляться в разных вариантах этнической нетерпимости. Этнонигилизм и этническая индифферентность располагаются на противоположном полюсе континуума этнических идентичностей и выражаются в отрицании или размывании этничности. Нормой в полиэтническом обществе, по мнению автора методики, будет выступать позитивная этническая идентичность, когда положительное отношение к своему народу сочетается с положительным отношением к другим народам.

Для анализа уровня толерантности молодежи Алтайского края применялся экспресс-опросник Г.У. Солдатовой «Индекс толерантности» (Солдатова, 2008),

позволяющий оценить как общий уровень толерантности по шкале в диапазоне от 22 до 132 баллов, так и парциальные аспекты толерантности: этническую толерантность (по шкале от 7 до 42 баллов), социальную толерантность (по шкале от 8 до 48 баллов) и толерантность как черту личности (по шкале от 7 до 42 баллов).

Для анализа оценок молодежью межэтнических отношений в регионе в целом был использован ряд характеристик, выраженность которых в Алтайском крае необходимо было оценить по десятибалльной шкале, где 1 — наименее выражено, а 10 — наиболее выражено. Приведем перечень характеристик, подлежащих оценке: «Дружеские отношения между представителями разных национальностей», «Уважение к обычаям, традициям и языку иных национальностей», «Помощь друг другу в затруднительных ситуациях вне зависимости от национальной принадлежности», «Недружелюбные или враждебные высказывания о людях другой национальности», «Конкуренция в бизнесе, в служебной карьере по национальному признаку», «Оскорбления по национальному признаку», «Хулиганские действия на межнациональной основе, физическое насилие (избиение, драки)», «Осуждение, порицание межнациональных браков».

Обработка количественных данных проводилась с использованием статистического пакета IBM SPSS Statistics 22.0. Оценка одномерных распределений переменных происходила с использованием методов частотного анализа для номинальных и порядковых переменных, количественные переменные оценивались при помощи методов разведочного анализа, оценки описательных статистик. Для построения типологии респондентов по выраженности социальной дистанции применялся двухэтапный кластерный анализ. Для сравнительной оценки степени влияния величины социальной дистанции на межэтнические установки молодежи применялся однофакторный дисперсионный анализ с использованием апостериорного теста Дункана в случае однородности дисперсий в подгруппах и тесты Уэлча и Брауна-Форсайта с использованием апостериорного теста Тамхейна в случае неоднородности дисперсий. Однородность дисперсий оценивалась при помощи теста Ливиня.

Результаты

Обратимся к результатам анализа межэтнических установок молодежи Алтайского края и размера социальной дистанции с разными этническими группами по общей выборке. Как видно из данных, представленных на рисунке 1, наибольшую социальную близость молодежь Алтайского края проявляет по отношению к представителям русского этноса: среднее значение в данном случае составило 2,44 балла, а медианное — 1 из 8 возможных. Это можно объяснить тем, что в исследовании принимала участие молодежь, в подавляющем большинстве случаев относящая себя только к русскому этносу (91,5%). А если учитывать тех, кто причисляет себя к нескольким этносам, среди которых есть и русский (3,6%), то мы увидим, что 95,1% молодежи Алтайского края в той или иной степени ассоциируют себя с русскими, что, естественно, влияет на степень их близости к обсуждаемой этнической группе.

Чуть менее социально близкими этносами для молодежи Алтайского края оказались белорусы (среднее значение — 2,93, медиана — 2), казахи (среднее значение — 3,34, медиана — 2) и украинцы (среднее значение — 3,35, медиана — 2). В случае украинцев и белорусов это объясняется их культурной близостью к населению России в целом и Алтайского края в частности, а в случае казахов — их «физической» близостью, поскольку Алтайский край граничит с Казахстаном. Социальные связи, образовавшиеся в процессе постоянного взаимодействия с представителями казахского этноса, формируют у молодежи Алтайского края высокий уровень принятия казахов как представителей социально близкого этноса.

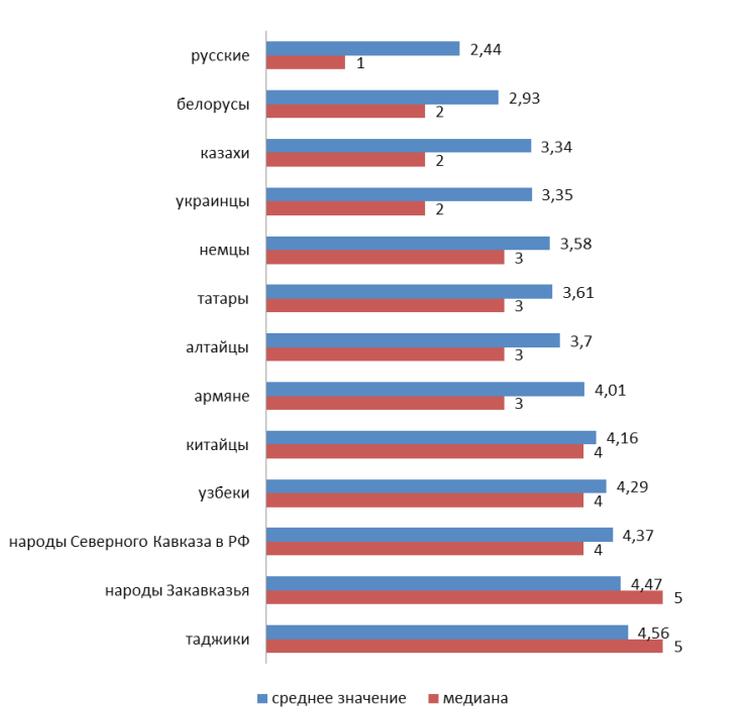

Рисунок 1 — Усредненные индексы социальной дистанции и ее медианные значения у молодежи Алтайского края, баллов.

Достаточно близки молодежи Алтайского края немцы (среднее значение — 3,58, медиана — 3), татары (среднее значение — 3,61, медиана — 3), алтайцы (среднее значение — 3,70, медиана — 3) и армяне (среднее значение — 4,01, медиана — 3). Чуть более настороженно молодые люди относятся к китайцам (среднее значение — 4,16, медиана — 4), узбекам (среднее значение — 4,29, медиана — 4) и народам Северного Кавказа, проживающим в России (среднее значение — 4,37, медиана — 4). Что интересно, российские «кавказцы» в восприятии респондентов оказались даже более далекими для них, чем народы, представляющие другие государства (китайцы, узбеки).

Наконец, наибольшая социальная дистанция зафиксирована между молодежью Алтайского края и народами Закавказья (среднее значение — 4,47, медиана — 5) и таджиками (среднее значение — 4,56, медиана — 5). Нельзя сказать, что эти народы вызывают у молодежи Алтайского края очень сильное отторжение, поскольку большинство опрошенных не возражает против их проживания в России. Вместе с тем 12,3% респондентов отметили, что не хотели бы общаться и видеть в своей стране таджиков, а 10,1% — представителей народов Закавказья, что может выступать потенциальным фактором социальной напряженности в регионе.

Обратимся к анализу типов этнической идентичности, сформированных у молодежи Алтайского края. Как видно из данных, представленных на рисунке 2, подавляющее большинство молодежи Алтайского края (74%) демонстрирует нормальную этническую идентичность, или, как ее еще называют, позитивную этническую идентичность, когда положительное отношение к своему этносу сопровождается таким же отношением и к другим этносам. Вместе с тем каждый шестой молодой человек в Алтайском крае (15,6%) демонстрирует этническую индифферентность, сопровождающуюся «размыванием» этнической идентичности, ее неопределенностью или неактуальностью. Это может быть связано с тем, что в молодом возрасте процесс формирования идентичности в целом и этнической идентичности в частности еще не завершен, и этническая индифферентность может быть лишь этапом на пути к обретению идентичности.

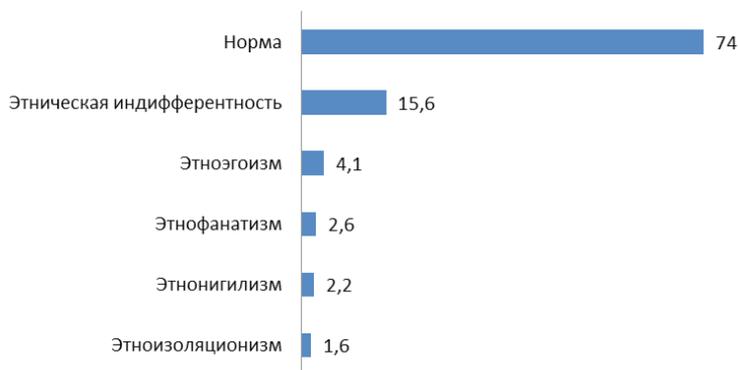

Рисунок 2 — Типы этнической идентичности молодежи Алтайского края, %.

Следует отметить, что 4,1% молодежи Алтайского края демонстрируют этноэгоизм, который является «мягкой» формой гиперидентичности, предполагающей некоторую напряженность во взаимодействии с представителями других этнических групп. Крайнюю степень гиперидентичности — этнофанатизм — демонстрирует лишь 2,6% молодежи Алтайского края, готовой ради этнических интересов идти на любые действия, вплоть до нарушения прав человека. Другая крайность — этнонигилизм — зафиксирована у 2,2% молодежи Алтайского края и выражается

в отказе от этничности и поиске устойчивой социально-психологической ниши для себя по другим критериям. Наконец, этноизоляционизм, выражающийся в убеждении, что этнос, к которому принадлежит респондент, обладает качествами, превосходящими другие этносы, в связи с чем необходимо «замкнуться» внутри своего этноса, демонстрирует лишь 1,6% молодежи Алтайского края.

Рассмотрим уровень выраженности толерантности у молодежи Алтайского края. Как видно из данных, представленных на рисунке 3, подавляющее большинство молодежи Алтайского края характеризуется средним уровнем толерантности как в целом (85,7%), так и в этнической (67,7%), социальной (79,7%) и личностной (73,1%) сферах.

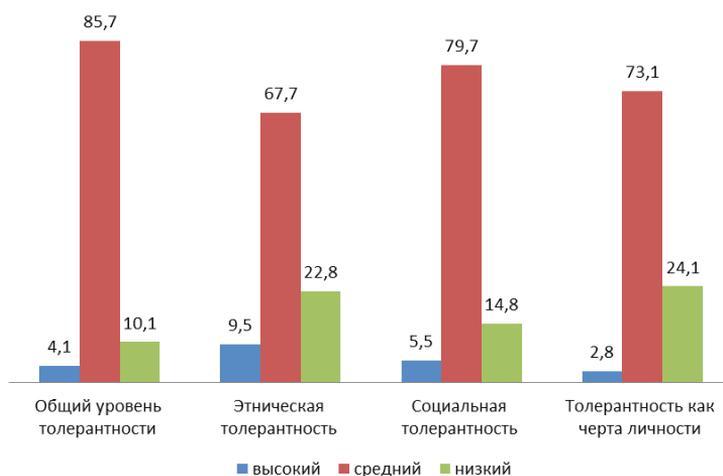

Рисунок 3 — Уровни выраженности толерантности молодежи Алтайского края, %.

Обращает на себя внимание тот факт, что именно в сфере межэтнических отношений зафиксирована наибольшая доля респондентов с высоким уровнем толерантности (9,5%). Наибольшая доля респондентов с низким уровнем толерантности (24,1%) отмечается в личностной сфере, которая содержит черты, установки и убеждения, в значительной степени определяющие отношение человека к окружающему миру.

Для анализа взаимосвязи межэтнических установок молодежи Алтайского края и устанавливаемого молодежью размера социальной дистанции с разными этническими группами была разработана типология респондентов по выраженности социальной дистанции. В результате двухэтапного кластерного анализа была получена модель хорошего качества (среднее силуэтной меры составило 0,6). В качестве предикторов в кластерном анализе выступали оценки молодежью Алтайского края степени близости с представителями 13 этнических групп, перечисленных выше. В результате проведенного кластерного анализа было получено три кластера.

Первый кластер, размером 213 наблюдений (44,5% от всей выборки), включал в себя респондентов, демонстрирующих наиболее высокий уровень социальной

близости по отношению ко всем предложенным для оценки этносам (средние значения: таджики 2,28; народы Закавказья 2,21; узбеки 2,12; народы Северного Кавказа 2,20; белорусы 1,64; татары 1,93; казахи 1,84; китайцы 2,16; армяне 2,05; русские 1,46; алтайцы 1,94; украинцы 1,79; немцы 2,01). Очевидно, что этот кластер включает в себя наименее дистанцирующихся от разных этносов представителей молодежи Алтайского края.

Второй кластер, размером 186 наблюдений (38,8% от всей выборки), включал в себя респондентов, которые демонстрировали средний уровень социальной близости по отношению ко всем предложенным для оценки этносам (средние значения: таджики 6,12; народы Закавказья 6,02; узбеки 5,61; народы Северного Кавказа 5,77; белорусы 2,76; татары 4,09; казахи 3,58; китайцы 5,24; армяне 4,98; русские 1,91; алтайцы 4,40; украинцы 3,58; немцы 4,04). Следовательно, этот кластер объединяет людей, для которых характерен средний уровень социальной дистанции.

Третий кластер, размером 80 наблюдений (16,7% от всей выборки), включал в себя респондентов, которые демонстрировали наиболее выраженную социальную дистанцию по отношению ко всем предложенным для оценки этносам (средние значения: таджики 6,99; народы Закавказья 6,88; узбеки 6,96; народы Северного Кавказа 6,90; белорусы 6,74; татары 6,95; казахи 6,79; китайцы 7,0; армяне 6,98; русские 6,24; алтайцы 6,75; украинцы 6,98; немцы 6,68). Этот кластер объединяет людей, для которых характерна выраженная социальная дистанция во взаимодействии с другими этносами.

Полученная типология респондентов была использована в качестве фактора в однофакторном дисперсионном анализе и тестах Уэлча и Брауна — Форсайта, а в качестве зависимых переменных были использованы уровни выраженности каждого из перечисленных выше типов этнической идентичности, уровни выраженности толерантности (общий уровень и парциальные уровни) и оценки выраженности характеристик межэтнических отношений в Алтайском крае.

Следует отметить, что по всем зависимым переменным, включенным как в однофакторный дисперсионный анализ, так и в тесты Уэлча и Брауна — Форсайта, были получены статистически значимые различия ($p \leq 0,05$), характер которых был проанализирован при помощи апостериорного теста Дункана в случае однородности дисперсий в подгруппах и апостериорного теста Тамхейна в случае неоднородности дисперсий.

Неоднородность дисперсий была зафиксирована при помощи теста Ливиня ($p \leq 0,05$) для следующих зависимых переменных: шкалы опросника «Типы этнической идентичности» (этническая индифферентность и этноизоляция), шкала опросника «Индекс толерантности» (этническая толерантность) и три шкалы для оценки молодежью межэтнических отношений в регионе в целом («Конкуренция в бизнесе, в служебной карьере по национальному признаку», «Хулиганские действия на межнациональной основе, физическое насилие (избиение, драки)», «Осуждение, порицание межнациональных браков»). Для этих показателей будут приводиться результаты апостериорного теста Тамхейна, для всех остальных — Дункана.

Рассмотрим различия в уровнях выраженности разных форм этнической идентичности у молодежи Алтайского края в зависимости от величины социальной дистанции. В результате проведения теста Дункана было выделено две подгруппы, средние значения в которых по шкале «Этнонигилизм» для разных социальных дистанций значимо отличаются: в первую подгруппу попали респонденты, демонстрировавшие малую (среднее значение 4,11) и большую (среднее значение 3,76) социальные дистанции, во вторую группу — респонденты, демонстрировавшие среднюю социальную дистанцию (среднее значение 5,27).

Это означает, что молодежь, демонстрирующая среднюю степень социальной дистанции, сильнее стремится к отрицанию этничности, отходу от своей этнической группы, чем молодежь, демонстрирующая «крайние» варианты выраженности социальной дистанции. Это может быть связано с тем, что большая социальная дистанция предполагает обособление от других этносов и предпочтение этим другим своего, а малая социальная дистанция, напротив, может предполагать «растворение» собственной этнической идентичности в других.

В результате проведения теста Тамхейна для средних значений по шкале «Этническая индифферентность» для разных социальных дистанций были выявлены значимые различия ($p \leq 0,05$) между подгруппами молодежи, демонстрирующей малую (среднее значение 11,42) и большую (среднее значение 9,88) социальные дистанции. В данном случае мы фиксируем, что выраженность этнической индифферентности значимо выше в подгруппе молодежи, демонстрирующей малую социальную дистанцию, поскольку восприятие представителей других этносов как близких, по видимому, ведет к некоторому «размыванию» собственной идентичности.

По результатам Теста Дункана выявлены три подгруппы, значимо различающиеся ($p \leq 0,05$) по средним значениям выраженности нормальной этнической идентичности у молодежи Алтайского края, в зависимости от социальной дистанции.

В первую подгруппу попали респонденты с большой социальной дистанцией (среднее значение 13,74), во вторую — респонденты со средней социальной дистанцией (среднее значение 15,10), а в третью группу — респонденты с малой социальной дистанцией (среднее значение 15,97).

Это свидетельствует о том, что чем меньше демонстрируемая респондентом социальная дистанция, тем сильнее у него выражена позитивная этническая идентичность, характеризующаяся благоприятным отношением как к своему этносу, так и к представителям других этносов.

Проанализируем средние значения, полученные по шкале «Этноэгоизм», в зависимости от выраженности социальной дистанции. В результате проведения теста Дункана было выделено две подгруппы по шкале «Этноэгоизм», средние значения в которых значимо отличаются: в первую подгруппу попали респонденты, демонстрировавшие малую (среднее значение 5,51) и большую (среднее значение 5,80) социальные дистанции, во вторую группу — респонденты, демонстрировавшие среднюю социальную дистанцию (среднее значение 7,25).

Такая картина свидетельствует о том, что у молодежи, демонстрирующей среднюю степень социальной дистанции, сильнее выражены этноэгоистические

тенденции, чем у молодежи, демонстрирующей малый и большой уровни выраженности социальной дистанции.

Возможно, при большой социальной дистанции этноэгоизм развивается по сценарию стремления решения проблем своего народа за счет других народов, а при малой социальной дистанции — по сценарию стремления воспринимать мир через призму конструкта «мой этнос», без попыток встать на место «другого». Тем не менее оба варианта взаимодействия с этническими группами являются этноэгоистическими.

В результате проведения теста Тамхейна были выявлены значимые различия ($p \leq 0,05$) в средних значениях по шкале этноизоляционизма между подгруппами молодежи, демонстрирующей малую (среднее значение 4,98) и среднюю (среднее значение 6,19) социальные дистанции. Можно сказать, что этноизоляционистские тенденции, характеризующиеся убеждением превосходства своего этноса над другими и стремлением «замкнуться» внутри него, сильнее проявляются у молодежи со средним уровнем выраженности социальной дистанции, по сравнению с молодежью с низкой выраженностью социальной дистанции. Большая социальная дистанция в данном случае не выступает фактором развития этноизоляционистских настроений.

Перейдем к анализу различий в уровне выраженности этнофанатизма в зависимости от уровня выраженности социальной дистанции у молодежи Алтайского края. В результате проведения теста Дункана было выделено две подгруппы, средние значения в которых значимо отличаются: в первую подгруппу попали респонденты, демонстрировавшие малую (среднее значение 6,29) и большую (среднее значение 6,02) социальные дистанции, во вторую — респонденты, демонстрировавшие среднюю социальную дистанцию (среднее значение 7,49).

В подгруппе со средней выраженностью социальной дистанции этнофанатические тенденции значимо выше, чем в двух других, что можно объяснить следующим: малая социальная дистанция нивелирует проявление этнофанатических тенденций, поскольку молодежь этой подгруппы не стремится к обособлению от этносов, к которым принадлежит, и толерантно воспринимает имеющиеся различия.

С другой стороны, демонстрация большой социальной дистанции предполагает, что молодые люди стремятся не бороться за превосходство своего этноса любой ценой, а скорее обособиться и не взаимодействовать с представителями «чужих» этносов.

Проанализируем различия в уровнях выраженности разных форм толерантности и интолерантности у молодежи Алтайского края в зависимости от величины социальной дистанции. В результате проведения теста Дункана было выделено две подгруппы, средние значения по уровню толерантности в которых значимо отличаются. В первую подгруппу попали респонденты, демонстрировавшие среднюю (среднее значение 80,90) и большую (среднее значение 82,26) социальные дистанции, во вторую группу — респонденты, демонстрировавшие малую социальную дистанцию (среднее значение 87,48).

Это говорит о том, что выраженность социальной дистанции действительно оказывает значимое влияние на уровень толерантности молодежи Алтайского края

таким образом, что у респондентов, демонстрирующих малую социальную дистанцию, общая толерантность значимо выше, чем у остальных.

В результате проведения теста Тамхейна были выявлены значимые различия ($p \leq 0,05$) в средних значениях по шкале этнической толерантности между подгруппами молодежи, демонстрирующей малую (среднее значение 29,07) и среднюю (среднее значение 25,86) социальные дистанции. Респонденты, демонстрирующие большую социальную дистанцию, значимо не отличаются от остальных в выраженности этнической толерантности. Полученные данные свидетельствуют о том, что уровень выраженности социальной дистанции оказывает влияние на выраженность этнической толерантности таким образом, что респонденты с малой социальной дистанцией более толерантны в сфере межэтнических отношений, чем респонденты со средней социальной дистанцией.

По результатам теста Дункана, респонденты распределились на три подгруппы по шкале «Этническая толерантность». В первую подгруппу попали респонденты с большой социальной дистанцией (среднее значение 25,29), во вторую — респонденты со средней социальной дистанцией (среднее значение 26,73), а в третью — респонденты с малой социальной дистанцией (среднее значение 28,45). Это свидетельствует о том, что чем меньше демонстрируемая респондентом социальная дистанция, тем сильнее у него выражена социальная толерантность.

По результатам теста Дункана, респонденты распределились на две подгруппы по шкале «Толерантность как черта личности»: в первую попали респонденты, демонстрировавшие среднюю (среднее значение 28,35) и большую (среднее значение 29,36) социальную дистанцию, во вторую группу — респонденты, демонстрировавшие большую (среднее значение 29,36) и малую социальную дистанцию (среднее значение 29,97). В данном случае можно предположить, что выраженность демонстрируемой респондентом социальной дистанции не оказывает влияния на толерантность как личностную черту, ведь, несмотря на высокий уровень значимости различий, сами средние значения отличаются настолько мало, что напрашивается вывод: толерантность как черта личности формируется и развивается вне зависимости от демонстрируемой респондентом величины социальной дистанции.

Обратимся к анализу оценок молодежью «климата» межэтнических отношений в регионе в целом. Проанализируем, как молодежь Алтайского края воспринимает степень выраженности дружеских отношений между представителями разных национальностей в Алтайском крае. В результате проведения теста Дункана было выделено две подгруппы, средние значения в которых значимо отличаются: в первую подгруппу попали респонденты, демонстрировавшие среднюю (среднее значение 6,50) и большую (среднее значение 6,59) социальную дистанцию, во вторую группу — респонденты, демонстрировавшие малую социальную дистанцию (среднее значение 7,20). Другими словами, молодежь, демонстрирующая малую социальную дистанцию по отношению к разным этническим группам, значимо выше оценивает выраженность дружеских отношений в Алтайском крае между представителями разных этносов, чем остальные подгруппы респондентов.

Оценка выраженности параметра «Уважение к обычаям, традициям и языку иных национальностей» в зависимости от величины социальной дистанции. В данном случае тест Дункана объединил все показатели в одну подгруппу, однако нельзя не отметить, что наиболее высокая оценка выраженности уважения к обычаям, традициям и языку представителей иных национальностей в Алтайском крае (среднее значение 6,94) вновь принадлежит респондентам с небольшой социальной дистанцией.

Далее молодым людям было предложено оценить, насколько выражена помощь друг другу в трудных ситуациях несмотря на этническую принадлежность. В результате проведения теста Дункана было выделено две подгруппы, средние значения в которых значимо отличаются: в первую подгруппу попали респонденты, демонстрировавшие среднюю (среднее значение 6,83) и большую (среднее значение 6,75) социальные дистанции, во вторую группу — респонденты, демонстрировавшие малую социальную дистанцию (среднее значение 7,33). Вновь мы видим, что респонденты, демонстрирующие малую социальную дистанцию, значимо выше оценивают проявления взаимопомощи вне зависимости от национальной принадлежности в Алтайском крае, по сравнению с респондентами, демонстрирующими остальные уровни социальной дистанции.

Рассмотрим, как респонденты с разными уровнями выраженности социальной дистанции воспринимают наличие в Алтайском крае недружелюбных или враждебных высказываний о людях другой национальности. В результате проведения теста Дункана было выделено две подгруппы, средние значения в которых значимо отличаются: в первую подгруппу попали респонденты, демонстрировавшие малую социальную дистанцию (среднее значение 4,72), во вторую группу — респонденты, демонстрировавшие среднюю (среднее значение 5,39) и большую (среднее значение 5,91) социальные дистанции. Это показывает, что респонденты с малой социальной дистанцией значимо ниже оценивают выраженность враждебных и недружелюбных высказываний о представителях других этносов в Алтайском крае, чем респонденты со средней и большой социальными дистанциями.

Проанализируем оценки наличия конкуренции в бизнесе или карьере по этническому признаку в регионе. В результате проведения теста Тамхеяна были выявлены значимые различия ($p \leq 0,05$) между подгруппами молодежи, демонстрирующей малую (среднее значение 4,58) и большую (среднее значение 5,62) социальные дистанции. Это показывает, что респонденты, демонстрирующие малую социальную дистанцию, более позитивно оценивают ситуацию межэтнической конкуренции в бизнесе и карьере, складывающуюся в Алтайском крае, полагая, что ее не так много. В то время как респонденты, характеризующиеся большой социальной дистанцией, полагают, что в Алтайском крае разные этносы достаточно сильно конкурируют между собой в бизнесе и карьере.

Интересно проанализировать мнения респондентов относительно выраженности оскорблений по национальному признаку в Алтайском крае. В результате проведения теста Дункана было выделено две подгруппы, средние значения в которых значимо отличаются: в первую подгруппу попали респонденты, демонстриро-

вавшие малую социальную дистанцию (среднее значение 4,23), во вторую группу — респонденты, демонстрировавшие среднюю (среднее значение 5,08) и большую (среднее значение 5,47) социальные дистанции. Это свидетельствует о том, что респонденты с малой социальной дистанцией значимо ниже оценивают вероятность столкнуться с оскорблениями по национальному признаку в Алтайском крае, чем респонденты со средней и большой социальными дистанциями.

Похожая картина наблюдается и в отношении вероятности проявления хулиганских действий и физического насилия на межнациональной почве в Алтайском крае. В результате проведения теста Тамхейна были выявлены значимые различия ($p \leq 0,05$) между подгруппами молодежи, демонстрирующей малую (среднее значение 3,80) и большую (среднее значение 5,30) социальные дистанции, а также между подгруппами молодежи, демонстрирующей малую (среднее значение 3,80) и среднюю (среднее значение 4,56) социальные дистанции. Результаты исследования свидетельствуют о том, что чем больше социальная дистанция, тем выше молодежь оценивает вероятность проявления хулиганских действий и физического насилия на межнациональной основе в Алтайском крае.

И наконец обратимся к анализу оценок молодыми людьми уровня выраженности в Алтайском крае осуждения межнациональных браков. В этом случае в результате проведения теста Тамхейна были обнаружены значимые различия ($p \leq 0,05$) между всеми подгруппами молодежи, принимавшей участие в исследовании. Так, первая пара различий была обнаружена между подгруппами молодежи, демонстрирующей малую (среднее значение 3,59) и среднюю (среднее значение 4,28) социальные дистанции. Вторая пара различий — между подгруппами молодежи, демонстрирующей среднюю (среднее значение 4,28) и большую (среднее значение 5,45) социальные дистанции. Третья пара различий была обнаружена между подгруппами молодежи, демонстрирующей малую (среднее значение 3,59) и большую (среднее значение 5,45) социальные дистанции. Можно отметить, что чем меньше величина социальной дистанции, тем меньше, по мнению респондентов, выражено осуждение и порицание межнациональных браков в Алтайском крае, и наоборот.

Обсуждение и заключение

Таким образом, проанализировав взаимосвязь межэтнических установок и размера социальной дистанции у молодежи Алтайского края, можно сделать следующие выводы. Наиболее социально близкими себе молодежь Алтайского края считает славянские этносы (русских, белорусов и украинцев), что объясняется культурной близостью этих этносов к молодежи Алтайского края, а также казахов, что объясняется, вероятно, их географической близостью. Наименее социально близкими молодежи Алтайского края представляются народы Закавказья и таджики, что создает потенциал для межэтнической напряженности. Преобладающий тип этнической идентичности у молодежи Алтайского края — позитивная идентичность, которая для полиэтничного региона считается нормой. Молодежь Алтайского края преимущественно демонстрирует средний уровень толерантности, при этом наиболее высока выраженность этнической толерантности, а наименее — личностной.

Величина социальной дистанции выступает важным фактором формирования этнической идентичности молодежи Алтайского края: так, риск формирования этнонигилизма выше для молодежи со средней степенью социальной дистанции, этническая индифферентность скорее сформируется у молодых людей с небольшим расстоянием социальной дистанции. Риск формирования этноэгоизма, этноизоляционизма и этнофанатизма также возрастает при демонстрации молодежью средней социальной дистанции. Но в целом чем меньше демонстрируемая респондентом социальная дистанция, тем сильнее вероятность того, что у него будет высоко выражена позитивная этническая идентичность.

Выраженность социальной дистанции оказывает значимое влияние и на уровень толерантности молодежи Алтайского края. Так, демонстрация малой социальной дистанции респондентами характеризуется и более высоким уровнем общей, этнической социальной толерантности.

Выраженность социальной дистанции оказывает влияние и на восприятие молодежью «климата» межэтнических отношений в Алтайском крае. Так, молодежь, характеризующаяся небольшой социальной дистанцией, воспринимает межэтнические отношения в Алтайском крае более позитивно, чем молодежь, характеризующаяся средней и большой социальной дистанцией.

В целом можно сделать вывод, что чем меньше величина социальной дистанции, тем ниже риск возникновения межэтнических конфликтов в регионе, но выше риск «размывания» этнической идентичности молодежи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Воронцов В.С. Межнациональная ситуация в Удмуртии в представлениях учащейся и студенческой молодежи. Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья, 2020, 1 (8), 87–99.

Горбунова А.А., Максимова С.Г., Попова А.И. Модель этнической идентичности населения приграничных регионов России. *Society and Security Insights*. 2018, 1 (2), 40–53.

Маздогова З.З. Межнациональная (межэтническая) толерантность как важный фактор согласия и мира на Северном Кавказе (на примере КБР). *Социально-политические науки*, 2019, No. 4, 19–22.

Монгуш А.А., Сарыглар С.А. Молодежь о межэтнических отношениях в Республике Тыва (по материалам социологического исследования). *Миссия конфессий*, 2019, 6 (41), 814–818.

Омельченко Д.А., Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Черепанова М.И. Состояние сферы межнациональных отношений в Алтайском крае. *Вестник Алтайского государственного аграрного университета*. 2017, 6 (152), 189–194.

Паштова С.Б. и Дреева С.В. Особенности этнической идентичности молодежи осетинской, чеченской и кабардинской этнических групп, проживающих за пределами своих республик. В кн.: *Психология XXI века: актуальные вызовы и достижения:*

Сборник статей участников международной научной конференции молодых ученых. СПб., 2020. С. 548–560.

Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.

Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Кулеш Е.В., Тихомиров М.Ю. Этносоциальные и личностные предикторы направленности межкультурной коммуникации у жителей российских городов с различным этническим составом населения. Психологические исследования, 2018, 11 (62), 8.

Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Прокофьева Т.Ю., Кравцова О.А. Психодиагностика толерантности личности. М.: Смысл, 2008.

Черепанова М.И., Горбунова А.А., Неваева Д.А., Сарыглар С.А. Миграционные процессы в Алтайском крае: прогноз межнациональной напряженности. В кн.: Материалы VIII международной социологической Грушинской конференции «Социолог 2.0: трансформация профессии». Отв. ред. А.В. Кулешова. М.: ВЦИОМ, 2018. С. 227–231.

Шахова Е.В. Особенности проявления межэтнического взаимодействия в Алтайском крае (по результатам социологического исследования). Социодинамика, 2019, No. 7, 1–9.

Шахова Е.В., Максимова С.Г. Межэтническое взаимодействие и социальная интеграция населения как взаимосвязанные процессы (по результатам социологического исследования в Алтайском крае). Социодинамика, 2019, No. 8, 1–12.

Bogardus E.S. Forty-year racial distance study. Los Angeles, 1967.

Bogardus E.S. Measuring social distance. Journal of Applied Sociology. 1925. No. 9, 299–308.

REFERENCES

Voroncov, V.S. (2020). Mezhnacional'naya situaciya v Udmurtii v predstavleniyah uchashchejsya i studencheskoj molodezhi [The interethnic situation in Udmurtia in representations of schoolchildren and student youth]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ya* [Historical and cultural heritage of the peoples of the Ural-Volga region], 1 (8), 87–99.

Gorbunova, A.A., Maximova, S.G., Popova, A.I. (2018). Model' etnicheskoj identichnosti naseleniya prigranichnyh regionov Rossii [The model of ethnic identity of population from border regions of Russia]. *Society and Security Insights*, 1 (2), 40–53.

Mazdogova, Z.Z. (2019). Mezhnacional'naya (mezhetnicheskaya) tolerantnost' kak vazhnyj faktor soglasiya i mira na Severnom Kavkaze (na primere KBR) [Interethnic (interethnic) tolerance as an important factor of harmony and peace in the North Caucasus (on the example of the KBR)]. *Social'no-politicheskie nauki* [Socio-political sciences], no. 4, 19–22.

Mongush, A.A., Saryglar, S.A. (2019). Molodezh' o mezhetnicheskikh otnosheniyah v Respublike Tyva (po materialam sociologicheskogo issledovaniya) [Youth about interethnic relations in the Republic of Tyva (based on the materials of a sociological study)]. *Missija konfessij* [Mission of confessions], 6 (41), 814–818.

Omel'chenko, D.A., Maximova, S.G., Noyanzina, O.E., Cherepanova, M.I. (2017). Sostoyanie sfery mezhnacional'nyh otnoshenij v Altajskom krae [The state of the sphere of interethnic relations in the Altai Territory]. *Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of Altai State Agrarian University], 6 (152), 189–194.

Pashtova, S.B., Dreeva, S.V. (2020). Osobennosti etnicheskoy identichnosti molodezhi osetinskoj, chechenskoj i kabardinskoj etnicheskikh grupp, prozhivayushhij za predelami svoih respublik. In: *Psihologiya XXI veka: aktual'nye vyzovy i dostizheniya: Sbornik statej uchastnikov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii molodyh uchenyh* (pp. 548–560). Sankt-Peterburg.

Soldatova, G.U. (1998). *Psihologiya mezhetnicheskoy napryazhennosti* [Psychology of inter-ethnic tension]. Moscow: Smysl.

Soldatova, G.U., Chigar'kova, S.V., Kulesh, E.V., Tihomirov, M.Ju. (2018). Etnosocial'nye i lichnostnye prediktory napravlenosti mezhkul'turnoj kommunikacii u zhitelej rossijskih gorodov s razlichnym etnicheskim sostavom naseleniya [Ethnosocial and personal predictors of the direction of intercultural communication among residents of Russian cities with different ethnic composition of the population]. *Psihologicheskie issledovaniya* [Psychologic research], 11 (62), 8.

Soldatova, G.U., Shajgerova, L.A., Prokof'eva, T.Ju., Kravcova, O.A. (2008). *Psihodiagnostika tolerantnosti lichnosti* [Psychodiagnostics of personality tolerance]. Moscow: Smysl.

Cherepanova, M.I., Gorbunova, A.A., Nevaeva, D.A., Saryglar, S.A. (2018). Migracionnye processy v Altajskom krae: prognoz mezhnacional'noj napryazhennosti [Migration Processes in Altai Territory: Forecast of Interethnic Tensions]. In: *Materialy VIII mezhdunarodnoj sociologicheskoy Grushinskoj konferencii «Sociolog 2.0: transformaciya professii»* [Materials of the VIII international sociological Grushinsky conference «Sociologist 2.0: transformation of the profession»]. (pp. 227–231). Moscow: VCIOM.

Shahova, E.V. (2019). Osobennosti proyavleniya mezhetnicheskogo vzaimodejstviya v Altajskom krae (po rezul'tatam sociologicheskogo issledovaniya) [Features of the manifestation of interethnic interaction in the Altai Territory (based on the results of a sociological study)]. *Sociodynamics*, No. 7, 1–9.

Shahova, E.V., Maximova, S.G. (2019). Mezhetnicheskoe vzaimodejstvie i social'naya integraciya naseleniya kak vzaimosvyazannye processy (po rezul'tatam sociologicheskogo issledovaniya v Altajskom krae) [Interethnic interaction and social integration of the population as interrelated processes (based on the results of sociological research in the Altai Territory)]. *Sociodynamics*, No. 8, 1–12.

Bogardus, E.S. (1967). *Forty-year racial distance study*. Los Angeles.

Bogardus, E.S. (1925). Measuring social distance. *Journal of Applied Sociology*, No. 9, 299–308.